

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ДНИ (Октябрьские дни в Иваново-Вознесенске)

Мы знаем, что 25 октября совершится переворот — именно 25-го, — ни раньше, ни позже. Центральный бой будет в Питере и Москве — там решается почти все.

Туда будет нужна наша помощь: мы должны им сказать, что сами готовы, что можем дать своих лучших солдат, что здесь у себя мы — победители!

Когда один, другой, десятый, сотый город скажет, что и он победил, что и он готов к помощи — только тогда победа. Деревня победит вослед... Мы это знаем и лихорадочно готовимся к роковым решающим дням.

Рабочим за октябрь выдано по 5 фунтов дрянной муки. Больше не дадут ничего, надежд на близкую получку нет, достать неоткуда, а покупать им не на что и негде. Положение грошовое.

Мы приходим на митинги, многотысячные митинги ткачей, которые собираются у себя по фабричным дворам.

Приходим, сами до тошноты голодные, говорить с ними о голоде:

— Рабочие! Дорогие товарищи!.. Видите сами — откуда мы добудем хлеба?.. Ближнюю неделю так и не ждите, не будет совсем... А там... там, может быть, будет: твердо не заверяем, а надежда есть... Вы за октябрь получили только пять фунтов — это тяжело; но что же делать, коли хлеба нет и не видно: все картофельную шелуху жуем...

— И картофельной-то нет, — простонет из гущи со скорбью ткачиха, и ей глухо отзовется старая, строгая, мрачная соседка.

— Ах, ты, господи, что же делать-то будешь...

— А вот что, — взвизгнет откуда-то женский крик, — вот што делать: у меня два дня не жрамши дети сидят!.. Ишь словарь какой нашелся (это уже к нам), на што мне слова твои, ты хлеба дай — хлеба, а то мне — тьфу на тебя... Вот што...

Это мать. Она не говорит, а, прыгая на месте, пронзительно и часто причитает, неистово машет руками. Грани терпения перейдены, ее уговаривать невозможно.

Молчаливо стоят угрюмые, суровые ткачи: они понимают голодную мать — не помешают ей в криках, в протестах, в угрозах отвести взволнованную душу. И мы замолчим.

Так, одна от другой заражаясь скорбью, вспомнив плачущих голодных ребят, еще больней, еще острее почувствовав вдруг всю муку лишений женщины-матери, измученные ткачихи взывают о помощи, бранят и проклинают — кого?.. Сами не знают кого, голосят словно у дорогого гроба...

Спокойны, строги, серьезны стоят без движения ткачи...

Проходят минуты острого негодования, жалоб, безумных протестов и угроз... Море утихает, снова можно сказать; говоришь — и слушают тебя, и верят тебе и знают, что помощь придет все равно откуда-то из Совета, от этих вот, стоящих на бочках, людей, которых выбрали они же, ткачи, которым вверили свою жизнь и которых можно крепко побранить, излить на них всю невыносимую боль страданий от голода, от болезней, лишений на каждом шагу и каждый миг: свои, не обидятся.

Пробовали на эти митинги проникать мясники и в бурные минуты недовольства и угроз начинали сами кричать, только по-своему, по-мясницкому... Их узнавали, иной раз колотили, выбрасывали из рабочих дворов:

— Не лезь в чужое дело — здесь свои бранятся, сами и столкуются...

Над толпою проносятся слова:

— Мы опутаны изменой и предательством. Правительство бесильно: оно продолжает кровавую бойню, оно фабрики держит за фабрикантами, не дает крестьянам землю... Станем ли дальше терпеть? Силы в нас, мы все можем сделать!

— И сделаем... Но лишь тогда, когда власть возьмем в свои руки!

— Верно, верно,— вырывается из сотен и тысяч грудей...— Вся власть Советам!.. Долой министров-капиталистов! Долой социалистов-изменников!

Забыли про голод, забыли про тяжелую нужду — вот они стоят, рабочие, готовые на борьбу, самоотверженные, сознательные, неумолимые в своем решении...

— Подходят дни — мчатся новые обжигающие слова — последние дни, когда решается наша судьба: пролетарская Россия готовится к бою... Готовы ли вы, ткачи?

— Мы всегда готовы...

— Так знайте же, что в близком будущем нам придется постоять на посту!

Окончено собрание — зашумела, заговорила, заволновалась толпа, рассыпалась — потекла в разные стороны...

Рабочие были готовы встретить врага.

На железной дороге — в депо, по мастерским, у водокачки — шныряли какие-то шептуны, задерживали рабочих, уверяли их, что надо скоро остановить движение, потому остановить, что в Питере и в Москве захватчики хотят отнять народную власть...

Им не надо, говорили, давать помощи, их надо оторвать от всех, оставить одних, там и добьют их молодцы юнкера и свободный народ...

Рабочие недоуменно смотрели на агитаторов, потом шли в железнодорожный комитет и докладывали об этом своим «вожакам». Хотели шептунов изловить, да пропали, так и не узнали, откуда взялись, кто подослал...

Иваново-вознесенские железнодорожники по всему обширному узлу приносили немалую пользу в Октябрьские дни. Они всегда были с рабоче-солдатским Советом, имели в нем своих представителей, ничего не делали поперек его воли, обо всем договаривались вовремя.

Выбиваясь из сил, чинили паровозы и вагоны; справляли маршрутные поезда, гнали их за хлебом... В самую горячку восстания они перевозили в Москву наши рабочие отряды помогать москвичам... Железнодорожники на своих предоктябрьских собраниях говорили то же, что ткачи, они были также готовы к действию.

В городе стоял 199-й запасный полк. В нем 11, 12, 14-я роты, а обучена из них и готова одна лишь 11-я... Ну что же: и одна рота при случае сделает немалое дело.

В казармах сыро, холодно, грязно...

— Солдаты! Товарищи! Вам, может быть, в близком будущем придется выступать... Подлое и гнилое правительство не хочет, да и не может отдать трудовому народу все, что принадлежит ему по праву...

— Давно бы так,— крикнул кто-то из серой массы...

— Долой предателей...

От стены к стене по каменному холодному корпусу метались грозные лозунги, ухали проклятья, торжественно и гордо вырывались и застывали над серошинельною массой святые клятвы идти на бой...

— Мы надеемся на ваше оружие, товарищи, оно, может быть, скоро понадобится — отстаивать Советскую власть.

— Да здравствуют Советы! — провозгласил кто-то в установившейся на миг тишине...

И масса неудержно, в каком-то исступлении закричала:

— Ура!.. ура!.. ура!..

— Да здравствуют Советы! — еще раз крикнул тот же голос.

И новая буря криков, восторгов, пламенных клятв...

Солдаты были с нами...

Так рабочих-ткачей, железнодорожников и солдат мы готовили накануне великих дней... Им скоро пришлось сражаться, только не здесь — в Москве, куда отправляли на помощь.

С этой ли силой не победим? Кто же совладеет с нею? У нас и сомнения нет, что победа будет за нами...

Все ближе подходят сроки...

Мы нервно ждем сигнала, ждем окончательных вестей — и они пришли.

Совет рабочих и солдатских депутатов помещался в Полушинском доме, по Советской улице — лучшего места для тех времен не найти. Куда хотите — всюду близко: до станции рукой подать, на фабрики тоже недалеко, вот они: Бурылинская, Полушинская, Дербеневская, Гандурина, Ивана Гарелина, Компания, Зубковская — до любой по шесть минут ходу. А это важно: там черпал Совет постоянную энергию, видел поддержку, там получал указания, узнавал желания — оттуда было все...

На пленумах Совета, всегда многолюдных, шумных и оригинальных, в течение шести — восьмичасовых заседаний, тянувшихся чаще за полночь, каких-каких только не разбирали мы тогда вопросов: не хватает хлопка на фабрике, угля, железа, тесу, красок — разбираем; где-нибудь, кто-нибудь «хапнул», кого-нибудь оскорбили, поколотили, выгнали, наказали самостийно — разбираем; объявился шпион, подмастерья загубили с рабочими, где-то надумали организовать детский приют, анархисты захватили купеческий дом, крестьяне уколошили помещичью усадьбу — разбираем.

Не было вопроса, который прошел бы, минуя Совет: все стекалось сюда.

25-го на 6 часов вечера назначено было заседание Совета. Что за вопросы разбирались — не помню, только настроение в тот вечер было исключительное: спорили как-то особенно горячо, неистово, безо всякого соответствия значению вопросов, возбуждались быстро, реагировали на все болезненно; то и дело подавались ядовитые реплики; протестовавшие вскакивали на лавках, словно пузыри на воде: попрыгают-попрыгают и пропадут. А там другие... И можно было видеть, что все эти разбираемые вопросы — не главные, что на них только вымещают что-то кипящее внутри, вот то самое главное, о чем так хочется говорить, чего ждут не дождутся собравшиеся делегаты... Ведь сегодня 25-е... Может быть, утром... может быть, в ночь придет... А может быть, и теперь, вот в эти самые минуты — гремят там орудия, дробят пулеметы, колоннами идут рабочие и льется, льется, льется братская кровь... Эх, скорей бы узнать. Уж разом бы узнать — все станет легче...

Три раза пытался я связываться с Москвой по телефону — не выходило. Наконец дали редакцию «Известий» и оттуда сообщили незабываемой силы слова:

«Временное правительство свергнуто!»

Чуть помню себя: ворвался в зал, оборвал говоривших, встала мертвая тишина и, четко скандируя слова, бросил в толпу делегатов:

«Товарищи, Временное правительство свергнуто!..»

Через мгновение зал стонал. Кричали кому что вздумается: кто проклятия, кто приветствия, жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топали ногами, били палками о скамьи и стены, зычно ревели: «Товарищи!.. товарищи!.. товарищи!» Один горячий слесарь ухватил массивный стул и с размаху едва не метнул его в толпу... Уханье, выкрики, зачатки песен — все сгрудилось в густой бессвязный гул...

Кто-то выкрикнул: «Интернационал!»

И из хаоса вдруг родились, окрепли и помчались звуки священного гимна... Певали свой гимн мы до этого, певали и после этого многие сотни раз, но не помню другого дня, когда его пели бы как теперь: с такую раскрывшейся внутренней силой, с таким горячим, захлебывающимся порывом, с такой целомудренной глубокой верой в каждое слово:

Вставай, проклятьем заклеянный
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Мы не только пели — мы видели перед собою, наяву, как поднялись, идут, колышутся рабочие рати на этот смертный последний бой; нам уже слышны грозные воинственные клики, нам слышится суровая команда — чеканная, короткая, строгая, мы слышим, как лязгает, звенит оружие... Да, это поднялись рабочие рати.

И если гром великий грянет
Над сворой псов и палачей,
Для нас все так же солнце станет
Сиять огнем своих лучей...

Эти вести из Москвы — вот он и грянул великий гром! Рабочие победили. Рабочие взяли власть... Враг разбит — повержена «свора псов и палачей»...

А солнце сияет, сжигает огнем своих лучей... Да-да: все как в песне: наш путеводный гимн, самая дорогая, заветная песня, которую пели в подполье рабы, за которую гнали, ссылали, расстреливали, вешали, истязали по тюрьмам — может ли ошибаться эта песня, вспоенная кровью мучеников?.. Пришли наши дни — их мы ждали. Здравствуй, новая жизнь!..

Первые минуты бешеной радости прошли, но еще долго не могли улечься суетливость, нервность, торопливость. Вспоминалось, как два месяца тому назад в корниловские дни — вот

так же, как теперь, сидели мы на этих самых лавках и торопились решить: что делать?

— Да, так что же делать, с чего начать? Мы ведь пока узнали лишь о том, что Александра IV нет — так Керенского в шутку звали у нас солдаты. Но дальше? Идет ли сражение или окончилось, да и было ли оно вообще? Разговор по телефону оборвался в самом начале, его, быть может, оборвали сознательно, чтобы не дать нам знать про все, что совершилось. Мы еще не знали тогда предательской, подлой роли, которую разыграли в великие дни наши почтово-телеграфники, но предчувствие недоброго было уже у многих. Посыпались градом предложения — страстные, энергичные, но все больше какие-то фантастические, для дела совершенно негодные:

— Выслать немедленно в Москву на помощь наш полк, а во главу дать членов исполкома...

— Идти по фабрикам теперь же, сию минуту, оставив рассуждения; фабричными свистками собрать рабочих, объяснить положение, организовать на месте батальоны и слать их в Москву.

— Прекратить временно всю гражданскую работу, всем влиться в полк: одним организаторами и политработниками, другим — стрелками...

Как это бывает всегда в подобных случаях: пока горячие головы фантазировали, другие за них думали, соображали, взвешивали обстоятельства, прикидывали разные возможности.

Было постановлено коротко.

Так как с Москвой и Питером подробности неясны — будем их добиваться, а пока, вслепую, ничего не предпринимать. Это — во-первых. Во-вторых, заняться организацией обороны у себя и помнить, что Иваново-Вознесенск, хотя и неофициально, является признанным центром огромного промышленного района, который надо обслужить, организовать, спаять, приготовить ко всем неожиданностям серьезного момента.

В-третьих, создать особый боевой орган, которому верить на самый горячий период все дело борьбы. Орган создали, назвали революционным штабом, выбрали нас пятерых, дали общую директиву: «Держитесь крепко, смотрите зорко».

Штаб ушел для выработки срочных мер.

Советское заседание продолжалось, но, видимо, путалось, не клеилось, да и не могло в такие минуты оно продолжаться, попросту делегатам не хотелось уходить.

Через короткое время мы воротились и сообщили, что ставим сейчас же по городу караулы, ставим в нужные места специальную охрану: на железнодорожную станцию, на телеграф, на телефонную станцию — всюду посылаем рабочий контроль; принимаем меры к оповещению города и окрестностей о событиях; связываемся тесно со всем районом; берем кого надо под надзор, намечаем заложников и т. д. и т. д., словом, те самые меры, которые применяли мы постоянно в решающие минуты. Совет одобрил —

работа закипела. Делегаты разошлись. Наутро весь город знал о происшедшем. На железной дороге создали свой специальный орган; в полку уже сам собой организовался из пяти человек военно-революционный штаб.

Непрерывно работал телефон, это нас тревожили каждую минуту Родники, Тейково, Шуя, Вичуга, Кинешма — все крупные рабочие центры: они не давали нам покоя, точно так же, как мы Москве, что мы узнавали — сейчас же передавали дальше, и в результате весь обширный район почти в одно время узнавал самые свежие новости... На телефонах буквально висели, уставливались очереди, каждому отдельному рабочему центру назначили свои часы.

Наши рабочие восторженно встретили весть о перевороте: они собирались огромными массами по фабрикам, слушали советских депутатов, жадно ловили новости, присылали за ними своих посланцев; то и дело с песнями, с флагами кружили около Совета.

Железнодорожники посылали свои делегации с клятвами дружно работать, с заявлением о готовности умереть за Советскую власть.

Полк в боевом вооружении, блестя щетиною штыков, уже не раз демонстрировал перед нашими окнами и громко заявил, что по первому зову расстреляет любую толпу, которая попыталась бы с недобрыми мыслями тронуть наш Совет.

Первые ночи не спали сплошь. Из здания Совета почти не выходили: разве только на час-другой съездишь по вызову куда-нибудь на фабрику.

Многие среди бела дня, не выдержав усталости, бросались на голые просторные столы и так засыпали под общий гвалт, под визг и хлопанье дверей, телефонные звонки, хрипы автомобилей, трескотню мотоциклеток.

Здание Совета представляло собой настоящий вооруженный лагерь: кругом с винтовками рабочие, на окнах пулеметы, у нас у всех торчат за поясом револьверы, многие увешаны бомбами, иные хватили лишку: протянули через плечо пулеметные ленты.

Первая ночь прошла. В три часа дня назначено заседание Совета. К нам приходят сведения, что на почте-телеграфе неблагоприятно: служащие собираются кучками, о чем-то сговариваются, контроль наш совершенно игнорируют, всячески его оттирают, при случае глумятся и все время провоцируют — вызывают на брань.

Уже несколько телеграмм послано в Москву помимо контроля. Ясное дело, что тут затевается что-то неладное. Но как, как дощупаться до всего? Откуда возьмем знатоков дела? Кто поможет? Провести любого из нас не составляло ни малейшего труда. Мы хорошо понимали, что контроль наш, действительно, лишь «постольку — поскольку», что если и не будет обмана, то не

по дозору, а единственно из страха «спецов» перед нашим крутым наказанием.

В 12 часов почтово-телеграфники заявили Совету свой протест по поводу контроля, потребовали его убрать, угрожая в противном случае приостановить работу. Они ссылались на незаконность и ненужность самого мероприятия, т. е. постановки контроля, указывали на грубости, которые якобы позволяли рабочие, говорили о том, что контроль осложняет всю технику дела и дальнейшую работу делает окончательно невозможной; что, наконец, у них, почтово-телеграфников, есть свой центральный комитет в Москве и они еще не знают его точки зрения на нашу меру, а если точка зрения ихнего ЦК будет отрицательная, тогда, дескать, «во имя профессиональной дисциплины они не могут нарушить» и т. д. и т. д.

Мы эту дребедень выслушали. Понимали, что за пустыми словами кроется самое явное, самое недвусмысленное дело: им немила рабочая власть, они борются за Временное — увы! — уже свергнутое — правительство... Но от репрессий мы пока решили воздержаться, предложили им выбрать представителя и прислать его на сегодняшнее заседание Совета в 3 часа.

Представитель явился: какой-то фертик в воротничках и манжетах, с высокомерным, надменным лицом... Впечатление производил отрицательное. Держался нагло, почти смело — не могу все же допустить — утрированно и потому неправдиво, будто за спиной у себя чувствовал непреодолимую силу. Надо сказать, что вокруг почтово-телеграфников уже стала группироваться вся беленькая, серенькая и даже совершенно черная интеллигентская обывательская масса.

Представителя фактами прижали к стене и заставили сознаться, что никаких оскорблений от рабочих контролеров в сущности не было, что технику дела контроль не убивает и т. д.

— В чем же дело? — задаем ему вопрос.

Минутку помялся, а потом заявил:

— Мы, организованные демократы почты и телеграфа, прежде всего являемся людьми совершенно беспартийными и к политике никакого отношения не имеем... Свою работу как вели, так и будем вести. Нам все равно, чьи отправлять телеграммы: ваши или фабрикантовы. Это мы и будем делать... Контроль требуем снять немедленно, а когда явится надобность в Совете — мы сами сюда пришлем извещение. Мы также думаем, между прочим, что власть должна быть выбрана всем народом, а захватов никому и никаких поощрять не станем. Поэтому выбранное всем народом Временное правительство признаем как единственно законное и станем помогать...

Молодцу не дали договорить — поднялся невообразимый шум. Рабочие вознегодовали, услышав в своей среде вызывающие речи этого господина; тотчас же «пятерке» поручили принять по отношению к наглеющей публике беспощадные меры. Когда волне-

ние поулеглось, представителя отпустили восвояси, только наказали ему снестись со своим московским ЦК и на завтра, к заседанию Совета, представить результаты переговоров.

Но каково же было удивление, когда наутро — это было 27-го — почта и телеграф объявили забастовку и прекратили работу. Что было делать? Мы отовсюду оказались изолированными. Железнодорожники обещали пару-другую телеграфистов и телефонистов, но что же с ними одними поделаешь?

Сейчас же созвали к Совету рабочих, набрали группу хоть кое-что понимающих, послали их на место забастовавших.

В этот же день созваны были президиумы всех социалистических партий, железнодорожного и полкового комитетов, в полном составе городская управа и исполком.

Лишь только открылось заседание, как меньшевики и эсеры заявили свой протест (против чего?) и ушли.

Главную целью заседания было избрание вместо «пятерки» постоянно действующего органа — штаба революционных организаций. Мы вошли в эту новую организацию: два от исполкома, один от управы, по одному от комитетов: большевиков, максималистов, железнодорожников и полкового.

Ночью же «пятерка» передала штабу свои полномочия и дела. В эту ночь и весь следующий день с телеграфом и телефонами намаялись мы немало.

Помню до сих пор, как трудно достался мне один № 88 телефона, как отчаянно пошла кругом голова от всей этой работы. А ничего не поделать, было. Сгоряча, видя, как трудно работать с «чужими», мы решили создать из ткачей свою армию телеграфистов, телефонистов, почтовиков и открыть для этого в ближайшие дни специальные курсы.

Но дело обернулось по-другому — никаких курсов создавать не понадобилось.

На следующий день, 28-го, всю эту забастовавшую ораву (их было человек 200) мы арестовали и проводили в столовую Куваевской фабрики: помещение холодное, неприветливое, угрюмое.

Сначала арестованные геройствовали, держались с большим гонором, на что-то надеялись, чего-то ждали... Но чем дальше, тем быстрее падало их настроение.

Было уже, помню, около 10-ти вечера. В Совете шло заседание.

Решено было избрать теперь же человек 20 из присутствующих, разработать специальные вопросы арестованным и ночью же отправиться в столовую для допроса. Уже готов был вопросник, но перед самым отправлением передумали, и нам, вчетвером, поручено было отправиться на «политическую разведку».

Разведка удалась — она превратилась даже в настоящее сражение, и это сражение окончилось нашей победой...

— Кто такие почтово-телеграфники? — спросили мы себя. — Представляют ли они единую массу, с едиными интересами?

— Конечно, нет.

- Все ли они враги наши?
- Нет.
- Так нельзя ли их раздробить по сему случаю?
- Ясно, что можно.

И мы принялись дробить.

Обращаясь главным образом к почтальонам, прислуге, мелким чиновникам, мы указали, разъяснили им, где чьи интересы, и рекомендовали отколоться от «высоких» чиновников, высказав нам свободно и совершенно безбоязненно свое мнение.

Результаты были чудесные: после двухчасовой перепалки, споров, беседы, протестов, ультиматумов мы добились того, что заключенные «генералы» остались в жалком меньшинстве, а вся масса порешила бросить забастовку, завтра же утром встать на работу, оставляя наш контроль и присоединяя к нему свой, для избежания технических осложнений... Отлично, мы согласились.

Политический вопросник оказался неиспользованным. Арестованных выпустили... Перед тем как разойтись после примирения, спели даже «Интернационал», впрочем, слов они не знали и мычали за нами довольно сумбурно и нелепо.

Весь «инцидент» на этом и покончился.

Да диво ли: в рабочем центре, в таком котле пролетарском, как Иваново-Вознесенск, что тут могли быть за «движения», когда рабочие фактически держали власть и до и после Октября?

Дни были нервные, нервничали и мы; даже свой боевой орган, штаб революционных организаций, не распускали целых две недели...

Как оглянешься назад — дух захватывает от величественного пути, который открыли незабываемые Октябрьские дни.